

Владимир Тихомиров

Ровесники Октября

«МЦНМО»

2016

УДК 51(092)

ББК 22.1г

Тихомиров В. М.

Ровесники Октября / В. М. Тихомиров — «МЦНМО», 2016

ISBN 978-5-04-017523-9

В брошюре рассказывается о пяти математиках – А. И. Бунимовиче, И. А. Вайнштейне, С. В. Фомине, Б. В. Шабате и Г. Е. Шилове, – родившихся в 1917 году, выпускниках, а в дальнейшем преподавателях мехмата МГУ.

УДК 51(092)

ББК 22.1г

ISBN 978-5-04-017523-9

© Тихомиров В. М., 2016

© МЦНМО, 2016

Содержание

1	5
Абрам Исаакович Бунимович	9
Исаак Аронович Вайнштейн	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

В. М. Тихомиров

Ровесники Октября

1

В 2007 году я организовал вечер в Доме Учёных, который прошёл под названием «Ровесники Октября». На этом вечере речь шла о шестерых людях, родившихся в 1917 году. Пять человек были сокровенно связаны с мехматом. Это Абрам Исаакович Бунимович, Исаак Аронович Вайнштейн, Сергей Васильевич Фомин, Борис Владимирович Шабат и Георгий Евгеньевич Шилов. Они заканчивали мехмат и работали там фактически до конца своих дней. Этих людей я очень хорошо знал и дружил с ними. Все они были замечательными людьми. По прошествии времени мне захотелось написать об этих пятерых¹ «ровесниках Октября» – об их времени и об их судьбе.

Сначала я задумал писать о каждом отдельно, но потом понял, что не обойтись без хотя бы краткого общего рассказа о времени, в котором им всем довелось жить. Они посетили «сей мир в его минуты роковые». Тютчев, которому принадлежат выделенные слова, написал сначала «счастлив, кто посетил сей мир...», но потом первое слово заменил словом «блажен».

Все герои моих рассказов переживали счастливые минуты, и за многое они благодарили свою судьбу. Но в жизни каждого из них, как и в жизни всех их современников, было много такого, что не укладывается в понятие, к которому подходит слово «счастье».

Трагические события, разумеется, появятся и в моих рассказах, но закончить их я хочу в счастливый для моих героев год, год их полувековых юбилеев, когда завершался один из воистину золотых периодов мехмата.

Среди счастливых обстоятельств судьбы моих героев было то, что они провели практически всю свою сознательную жизнь в городе, имя которому Москва.

Москва тридцатых годов. После окончания Гражданской войны Москва, пережившая очень трудные, голодные и холодные времена, становится центром притяжения для жителей нашей страны. Из пяти «ровесников Октября» троим предстоял путь в Москву, – только С. В. Фомин и Б. В. Шабат были коренными москвичами по рождению.

Я начинаю свои рассказы с момента, когда мои герои поступают на мехмат. Это был период между 1933 и 1935 годами, когда в Москве происходили многие важнейшие события. Она начала с необычайной скоростью заселяться и перестраиваться. В начале 1930-х годов население Москвы было около трёх миллионов человек, и она была не очень большим по размерам (в сравнении с тем, что сейчас) городом. Культурная интеллигенция – профессура, знаменитые актёры, музыканты, врачи – жили в пределах Садового кольца.

Основную часть Москвы обслуживала мытищинская водонапорная станция, которую питала уже сильно обмелевшая Москва-река. В 1932 году стали строить канал Москва – Волга, строительство было завершено в 1937 году. Так была решена проблема водоснабжения расширяющегося города. В 1932 году была проведена первая троллейбусная линия, в 1931 году было принято решение о строительстве московского метро (первый поезд москов-

¹ Шестым в этой компании был Борис Абрамович Розенфельд. Он опубликовал очень большую автобиографическую книгу, к которой я ничего не мог бы добавить, и его я не включил в свои рассказы.^X А. Н. Душкин (1903–1977) – архитектор, автор многих знаменитых проектов зданий и вокзалов, в частности станций московского метро «Кропоткинская», «Маяковская», «Площадь Революции»; А. А. Дейнека (1899–1969) – художник, автор многих знаменитых картин и мозаик, в частности на станции московского метро «Маяковская».

ского метро пошёл в 1935 году). Этим решалась транспортная проблема. В 1935 году был принят план реконструкции Москвы. План составлялся с большим размахом: объявлялось, что Москва должна стать столицей Мира, «освобождённого от эксплуатации человека человеком».

Автор этих строк, родившийся в 1934 году, – свидетель всех этих перемен. Моя прабабушка жила в деревянной избушке с палисадником в двух шагах от Моссовета. Дом, согласно плану реконструкции, был разрушен, и на его месте сейчас стоят большие белые дома; на моих глазах сносились здания на улице Горького (бывшей и нынешней Тверской), перевозились дома (дом № 6 по Тверской и Глазная больница); взрывались церкви; взорван был и любимый мною памятник первой советской Конституции (увенчанный андреевской *статуей Свободы*) на Советской площади; по улице Горького стали ходить (как в Лондоне) двухэтажные троллейбусы от гостиницы «Москва» до Речного вокзала; открылась вторая линия метро с несравненной душкинско-дейнековской¹ станцией «Маяковская» и многое, многое другое...

Молодёжь в ту пору была охвачена энтузиазмом. Многие верили, что строят новую жизнь. Они стремились к культуре и знаниям, чтобы служить социалистическому строительству.

В 1934 году прошёл XVII съезд ВКП(б), названный *съездом победителей* (в докладе народного комиссара просвещения А. С. Бубнова среди достижений науки за годы Советской власти были отмечены результаты А. О. Гельфонда и Л. Г. Шнирельмана). Оппозиция была побеждена, объявлялось единство рабочего класса, крестьянства и «трудовой интеллигенции».

Но в те же годы происходили переселение в дальние края целых сословий (дворян, купцов, кулаков, служителей церкви); случился голодомор 1932—33 гг., унесший миллионы жизней; уже проходили первые фальсифицированные процессы (дело Промпартии, Шахтинское дело и другие); первого декабря 1934 года был убит Киров, и началась вакханалия репрессий.

Довоенный мехмат. В те же 1932—34 годы произошла реформа образования. Образование стало всеобщим. По этой реформе учились и моё поколение, и поколение наших детей. В Москве, где до 1917 года работали лишь около сорока мужских и десятка женских гимназий, было построено ещё до войны свыше трёхсот новых школ. Среди московских школ было несколько замечательных (в основном, бывших гимназий), описанных многими нашими коллегами.

В 1933 году из физико-математического факультета Московского университета (имени М. Н. Покровского, с 1940 года – имени М. В. Ломоносова) выделился механико-математический факультет. На факультете работали выдающиеся учёные старшего и более молодого поколений: В. Ф. Каган (1869–1953), Л. С. Лейбензон (1879–1951), А. И. Некрасов (1883–1957), В. В. Голубев (1884–1954), Б. Н. Делоне (1890–1980), Д. Е. Меньшов (1892–1988), А. Я. Хинчин (1894–1959), П. С. Александров (1896–1982), Н. Е. Кочин (1901–1944), И. Г. Петровский (1901–1973), А. Н. Колмогоров (1903–1987) и др.

Деканом мехмата был в то время В. В. Голубев, замечательный учёный, прекрасный организатор и выдающийся человек.

Многие поступавшие стремились стать механиками. Со времён Н. Е. Жуковского механика в некотором отношении доминировала на факультете, да и само название факультета начиналось с механики. И казалось, что именно механика важнее для строительства новой жизни.

При приёме в университет в эти годы ещё накладывались сословные ограничения. Так, будущий академик Н. Н. Моисеев не был принят из-за своего «дворянского происхождения» (в 1936 году эти ограничения были сняты).

В ту пору мехмат был, быть может, самым выдающимся учебным заведением, готовящим математиков, во всём мире. Уровень преподавания был исключительно высок. Среди замечательных лекторов особенно отмечали В. В. Голубева, А. Г. Куроша, И. М. Гельфанда. Активно работали студенческие кружки. Зародилось олимпиадное движение.

В те годы студенты жили необыкновенно насыщенной жизнью. Москва была средоточием культуры. В окрестности университета были потрясающие театры – Большой, Малый, Художественный, Немировича-Данченко и Станиславского, Вахтангова, Ермоловой, Камерный, Ленинского комсомола, рядом была консерватория. Уровня театральной и музыкальной культуры, на котором в конце тридцатых годов находилась Москва, наш город так и не достиг во все последующие времена.

В университете активно функционировал Клуб, где на вечерах выступали А. А. Яблочкина, Е. Н. Гоголева, И. С. Козловский, В. Н. Яхонтов и многие другие, чьи имена прорвались через «громаду лет».

На каникулах организовывались поездки в Ленинград, Киев, другие города. Ходили в многодневные лыжные прогулки по Подмоскovie, в летние походы в горы и лодочные путешествия. Работал студенческий дом отдыха в Геленджике. Активно работала профсоюзная организация, оплачивались студенческие путёвки в санатории и дома отдыха, выделялись средства на турпоходы.

В университете работала военная кафедра. На первом курсе все студенты – и юноши, и девушки – получали военную подготовку. И вообще, готовились к войне. Особенным увлечением молодёжи была авиация. Многие посещали авиационные и парашютные кружки. (Зоря Яковлевна Шапиро, жена И. М. Гельфанда, – она была на год старше тех, о ком мне предстоит рассказать, – занималась в авиационном кружке и однажды с инструктором совершила полёт на самолёте: сама взлетела, совершила облёт аэродрома и осуществила посадку самолёта.)

Были курсы медсестёр для девушек, пулемётные кружки, в основном для мальчиков, но девочки также в них участвовали. Некоторые мальчики, поступившие в 1935 году, занимались усиленной военной подготовкой и получали офицерское звание (как Бунимович, Вайнштейн, Фомин и Шилов), и потому некоторые из поступавших в 1935 году заканчивали на год позже, в 1941 году (например, Н. Н. Моисеев).

Война и мехмат. 22 июня 1941 года в 12 часов дня прозвучала речь Молотова о начале войны. Через несколько часов Коммунистическая аудитория была переполнена. После нескольких выступлений единодушно была принята резолюция-клятва: «Комсомол университета объявляет себя мобилизованным». Некоторые из заканчивавших в том году не стали сдавать госэкзамен, а сразу пошли в военкомат. В июле шла запись в народное ополчение.

Мехмат заплатил дорогую цену в этой войне: в мемориальном списке на доске 14 этажа мехмата 95 имен, но список этот неполон: в списке погибших, составленном сокурсниками тех, кто кончал мехмат в 1941 году, присутствуют ещё семь имён.

Послевоенное десятилетие и мехмат. Послевоенные годы были тяжкими не только из-за бытовых проблем, но и из-за отсутствия свободы. Прошли ужасные идеологические кампании с осуждениями Ахматовой, Зощенко, Шостаковича, Прокофьева и Хачатуряна, прошла печально известная сессия ВАСХНИЛ, пронёсся смерч борьбы с космополитизмом,

кульминацией которой в начале пятидесятых годов стало «дело врачей»... При поступлении в высшие учебные заведения и при приёме на работу накладывались анкетные ограничения.

Золотая пора мехмата. После смерти Сталина постепенно происходило раскрепощение сознания, что привело к взлёту научной мысли, особенно в нашей науке. Пятнадцать лет – с 1953 по 1967 годы – были воистину золотой порой нашего факультета. В подтверждение приведу слова В. И. Арнольда:

«Плеяда великих математиков, собранных на одном факультете, представляла собой явление совершенно исключительное, и мне не приходилось встречать ничего подобного более нигде. Колмогоров, Гельфанд, Петровский, Понтрягин, П. Новиков, Марков, Гельфонд, Люстерник, Хинчин и П. С. Александров учили таких студентов, как Мании, Синай, С. Новиков, Алексеев, Аносов, Кириллов и я сам».

А теперь поговорим о судьбах тех пятерых, кому суждено было родиться в 1917 году и служить нашему факультету верой и правдой, отдельно о каждом. Каждый рассказ начинается справкой из интернета.

Абрам Исаакович Бунимович (22.12.1917, Киев — 03.07.1999, Москва)

А. И. Бунимович окончил механико-математический факультет МГУ в 1940 г. Участник Великой Отечественной войны. Кандидат физико-математических наук (1948). Доктор физико-математических наук (1969). Профессор (1980). Профессор кафедры газовой и волновой динамики механико-математического факультета (1977–1999). Заведующий отделом газовой и волновой динамики НИИ механики (1961–1963). Награждён орденами Отечественной войны (I ст. – 1944, II ст. 1943, 1985), Красной Звезды (1945), медалями «За боевые заслуги» (1943), «За взятие Будапешта» (1945), «За взятие Вены» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945). Лауреат премии Совета Министров СССР (1990). Заслуженный профессор Московского университета (1997).

А. И. Бунимович родился 22 декабря 1917 года в Киеве.

...Абрам Исаакович, по-видимому, не рассказывал подробно своим детям о своём происхождении. Но однажды он поехал из Москвы на отдых в Литву, захватив с собой своего младшего сына (Евгения Абрамовича Бунимовича, имя которого сейчас, в эпоху гласности и телевидения, известно несравнимо больше, чем имя его отца). По дороге они свернули на проселочную дорогу и оказались в местечке, которое некогда, по-видимому, принадлежало Царству Польскому, после революции отошло к Польше, а потом к СССР. Сужу об этом потому, что А. И. спрашивал старожилов, где здесь была когда-то улица Пилсудского. Все шарахались от вопрошавшего, и тогда смышлённый сынишка высказал гипотезу, что улица Пилсудского была, наверное, когда-то главной улицей посёлка, и значит, её могли переименовать в улицу Ленина. Отец с сыном нашли улицу Ленина и пошли по ней.

Абрам Исаакович остановился перед домом, который искал. Домом своего отца. Он постоял немного, мысленно или явно поклонился и без комментариев продолжил свой путь.

Судя по всему, отец Абрама Исааковича – Исаак Абрамович Бунимович – родился в этом или ещё более глухом местечке и получил там начальное образование. Он учился в Воложинской иешиве, «которая была весьма престижным образовательным заведением», – как пишет его внук. Каково оно было – это образование, – я не уверен в том, что это мог бы подробно объяснить и сам Абрам Исаакович.

Но так или иначе, некогда начался исход его отца из местечка, который привёл его в Киев, где он затеял некое «дело» и где родился его сын. Е. А. Бунимович – учитель математики, поэт и общественный деятель, в своих воспоминаниях называет деда «писчебумажником» и добавляет при этом, что, возможно, он пишет стихи не потому, что пальцы просятся к перу, а потому, что перо – к бумаге.

А потом путь вёл деда в Москву.

Как я понял из рассказов сыновей А. И., причина бегства семьи из Киева выяснилась сравнительно недавно. Случай был довольно типичный: арест по навету, потом освобождение. Но оставаться там, где всё это произошло, показалось опасным, и было решено бежать.

Тема еврейства в постреволюционную эпоху слишком сложна для моего короткого рассказа. Одни осознавали своё еврейство важнейшим стержнем своего бытия и судьбы, другие были готовы стать на иной путь. Весьма заметная доля евреев в конце XIX и в начале XX века восприняли интернациональные социалистические идеи, и многие евреи были их активными проводниками. Однажды в Израиле я услышал такой рассказ. Как-то в двадцатые годы на заседание Исполкома III Интернационала приехал (кажется, в Берлин) Н. И. Бухарин. После заседания он удалился, и тогда один из оставшихся в шутку сказал: «Если бы не этот гой Бухарин, нам не пришлось бы ломать язык, мы бы легко договорились на идише».

Российское еврейство географически делилось так: юг Украины был средоточием социалистических и интернационалистических настроений, на западе Украины и в Белоруссии рождались и развивались сионистские концепции. Но жизненная реальность никому не давала возможности забыть о своём еврействе. Как это всё умещалось в душе Абрама Исааковича, неизвестно; насколько я могу судить, он ни с кем этим не делился, но думаю, что сионистские идеи были от него далеки.

Мать А. И. – «баба Роза» – училась в Белоцерковской женской гимназии, экстерном окончила мужскую гимназию и затем (в 1918 году) физико-математическое отделение Киевских высших женских курсов. Не отсюда ли математические склонности сына и внуков?

Её жизнь была связана с народным образованием – ликвидацией безграмотности, она работала учительницей в школе, была инспектором Краснопресненского района, была помощницей Надежды Константиновны Крупской.

Мне много рассказывали о деятельности (после смерти Ленина) Надежды Константиновны люди с ней соприкасавшиеся. Они говорили, что её усилия были направлены, в основном, на борьбу с неграмотностью и беспризорничеством. Она поддерживала энтузиастов просвещения (в частности, тех, с кем я разговаривал) и помогала им. По-видимому, в этом ей оказывала содействие мать Абрама Исааковича.

А в первую военную осень мать А. И. Бунимовича совершила то, что безо всякого преувеличения можно назвать подвигом: она вывезла из Москвы в эвакуацию детей – тех, у кого погибли родители, или отец на фронте, погибла мать...

Это всё отложилось в моей памяти: вывозили детские скелеты, обтянутые кожей, из блокадного Ленинграда, эвакуировали моих ровесников из школ, детских домов и садов – тех, о ком некому было позаботиться, у кого отец был на фронте, а мать на производстве или оба были неизвестно где. Заботу о таких детях проявляли прежде всего бабушки, нередко няни. Но и, в немалой доле, государство, – руками женщин, подобных матери А. И.

В воспоминаниях младшего внука есть один пронзительный штрих. Однажды к нему подошла старая женщина, назвала бабушкино имя и спросила, не родственница ли? Оказалось, что это одна из тех девочек, которая тогда была спасена бабушкой Жени Бунимовича и матерью его отца. «Она держалась за мой рукав, – пишет внук, – и тихо плакала».

Счастливое детство, согретое любовью и заботой отца и матери, из тех, о ком я здесь пишу, было лишь у Сергея Васильевича Фомина. Шилов и Шабат в детстве росли без отцов, Вайнштейн рос без матери. О том, какую роль сыграли в жизни А. И. Бунимовича его родители, были ли его отец и мать советчиками в его жизни, я затрудняюсь сказать. Младший внук в своих воспоминаниях пишет, что мать А. И. была неважной бабушкой. Так часто случалось: заботы о «социалистическом строительстве» нередко отвлекали от забот о собственных детях и внуках.

Большое влияние на многих сверстников А. И. оказывала школа, на некоторых комсомол, на всех, о ком я пишу, – мехмат.

К сожалению, у детей А. И. не сохранилось сколько-нибудь содержательных воспоминаний о школе, которую заканчивал Абрам Исаакович. Ни номера школы, ни здания, где она помещалась, ни имён педагогов в памяти не осталось.

Сохранились воспоминания отца о том, что в школе шли всё время драки детей разных «партийных уклонов». Отец дружил с сыном Постышева², бывал у них дома. Вот и всё.

А комсомол, возможно, играл в юности А. И. большую роль. Вот что написано в его мехматской характеристике. «На протяжении всей жизни Абрама Исааковича всегда отличала активная жизненная позиция. В студенческие годы он избирался заместителем секретаря комитета ВЛКСМ МГУ, членом Краснопресненского РК ВЛКСМ». В мехматские годы А. И. был членом партбюро факультета, секретарём партбюро отделения механики, партгоргом кафедры.

Я предполагаю вскоре опубликовать материалы о мехматском курсе, заканчивавшем в 1941 году (в том году заканчивали многие студенты, начинавшие учёбу с А. И. Бунимовичем). О своём курсе замечательно написали в 2001 году три бывшие студентки этого курса³, поступавшие на мехмат 65 лет тому назад. Позади была большая жизнь, страшная война, жуткое послевоенное лихолетье, замужества, рождения детей, жизнь в неустроенности и нищете, и вместе с тем – творчество, работа, награды, грамоты. Но в самом конце, подавая сигнал о самих себе тем, кто будет, как я, читать это после их ухода, они пишут о себе – «комсорг, член бюро комитета комсомола факультета; член комитета комсомола МГУ; ста-

² **П. П. Постышев** (1887–1939, расстрелян) – советский государственный и партийный деятель.

³ Ирина Леонидовна Бабинская (Раухваргер), Инна Михайловна Ландис и Ирина Павловна Френкина (Лунце).

роста группы и член профбюро факультета», соединяясь через прорву лет со своей юностью особыми знаками, ещё понятными мне, но не осознаваемыми даже чуть более молодыми.

Абрам Исаакович поступил на мехмат в 1934 году, в том же году стали студентами Фомин и Вайнштейн. Шилов стал мехматянином на год раньше (в год рождения факультета), Шабат – на год позже. (А. И. учился в одной школе с И. А. Вайнштейном, но на класс младше. Поступил на мехмат в том же году, что и И. А., так как окончил только 9 классов).

Это были годы перемен. Во все эти годы при приёме принималось во внимание «социальное происхождение». Дети учителей и врачей, к примеру, не принадлежали к передовым классам, и их принимали с трудом, а детей представителей дворянства, духовенства и купечества старались не брать. Членство одного из родителей в РСДРП перевешивало их непролетарское происхождение. Из тех пятерых, о ком я рассказываю, сложности могли быть у Фомина и Бунимовича, причём не только из-за «происхождения», но и из-за возраста. Но Фомин был сыном известного профессора Московского университета (а это тоже «перевешивало» настолько, что его приняли шестнадцатилетним без аттестата об окончании школы), а за А. И. заступилась Н. К. Крупская.

О выборе А. И. специальности рассказал мне старший сын – Л. А. Бунимович: «На механику отец пошёл сознательно, объясняя это тем, что русская математика была одна из сильнейших, но механика – первая без вопросов. Это, конечно, так и было. И влияние в мире было огромное. В США, например, большую роль в развитии теоретической механики сыграл Тимошенко⁴. Кроме того, А. И. любил конкретные задачи.

На мехмате А. И. дружил с И. А. Вайнштейном и Сергеем Кудашевым⁵.

Бунимович учился очень хорошо, был среди первых «сталинских стипендиатов». В 1940 году он с отличием окончил механико-математический факультет МГУ по кафедре гидромеханики и поступил в аспирантуру. Его научным руководителем был выдающийся механик своего времени Николай Евграфович Кочин.

23 июня 1941 года со второго курса аспирантуры НИИ механики МГУ А. И. Бунимович ушёл на фронт.

Участвовал в боях на Волховском, Степном, 1-м и 2-м Украинских фронтах, в Корсунь-Шевченковской, Днепровской, Яско-Кишиневской, Бухарестской, Будапештской, Венской, Пражской и других боевых операциях в качестве офицера артиллерийской разведки. Прошел славный боевой путь от командира взвода разведки до старшего помощника начальника артиллерийской разведки 2-го Украинского фронта. Героический послужной список! Он был награжден орденом «Отечественной войны» I степени, двумя орденами «Отечественной войны» II степени, орденом «Красной звезды» и медалями.

В архиве отца сыновья нашли краткие записи о войне. Вот одна из них:

«Июнь 41 – начальник разведки артиллерийского дивизиона, отходили, тащили с собой технику, старались не напороться на немцев, тревога за Москву, за ополченцев... На станции возле Воронежа стояли, формировались, поехали на Волховский фронт, там был командиром взвода разведки отдельной батареи управления, потом – замначальника арт. разведки армии... Весна 42 – командовал группой разведчиков, которая была направлена для выполнения спецзадания в блокадный Ленинград... Курская дуга... 29 сентября 1943 на Днепре – форсирование Днепра, ночью, на подручных средствах, потом удерживали плацдарм... 27 января 1944 – Корсунь-Шевченковская операция, дождь и мокрый снег, распутица, прорывались всё время, 8 февраля – попытка вырваться, 17 февраля – прорыв... самая трудная

⁴ Степан Прокофьевич Тимошенко (1878–1972) – один из крупнейших механиков прошлого века.

⁵ Сергей Сергеевич Кудашев (1916–1941) – аспирант мехмата. Потомок старинного, славного рода. Одному его прадеду Державин посвятил поэтические строки в оде «Певец во стане русских воинов», другому Кутузов вручил именную шпагу «За храбрость». Записался в ополчение. В ополченской дивизии был артиллеристом. Погиб под немецкими танками.

– Уманская операция, бездорожье, разлив, мы – на главном направлении... Среди первых бойцов вышли на государственную границу».

Поразительный текст! Одна только фраза: «29 сентября 1943 на Днестре— форсирование Днестра, ночью, на подручных средствах, потом удерживали плацдарм» как много она говорит тем, кто помнит войну. Форсирование Днестра – одно из самых кровавых сражений в военной истории вообще. «Подручные средства» – это скорее всего самодельные плоты, на которых переправлялись под шквальным огнём. А потом ничтожными силами «удерживали плацдарм». И так все четыре года!

Вот письмо, посланное А. И. Бунимовичем, по-видимому осенью 1944 года, в Москву своему другу – Исааку Ароновичу Вайнштейну:

«По независящим от меня причинам больше месяца не получаю ни от кого ни строчки, и сам не мог отправить весточку. Мы в это время так стремительно наступали, что почта никак не могла за нами угнаться. Но дрались мы по-настоящему хорошо, как давно не дрались. Мы так рванули в адской грязи и бездорожье, что за месяц проскочили Буг, Днестр и Прут, первыми вышли на нашу границу. За один этот месяц нам трижды салютовала Москва.

Потом пошли по благословенной Молдавии, которая запомнилась прекрасным виноградным вином (его нам бочками выкатывали навстречу) и кучей пленных румын с их мобильной артиллерией на волах.

Здесь же за Бугом я впервые встретил евреев, на Украине их совсем мало осталось. Когда в одном местечке я сказал пару слов по еврейски (пожалуй, всё, что я умел произнести), меня чуть не разорвали, каждый тащил к себе в гости. Ты не представляешь, что значит для них после трёх лет ужаса увидеть еврея-офицера.

Пиши, как твои дела, что нового в МГУ. Эх, скорей бы вернуться, теперь победа уже видна. Привет всем. Абрам».

Письмо преисполнено счастьем предчувствия скорой победы и гордостью, что довелось участвовать в победном стремительном рывке. В воспоминаниях участников освобождения Западной Украины и Молдавии обязательная тема – прекрасное виноградное вино, достававшееся от противника (на том фронте от румын, не успевавших увести винные бочки, предназначавшиеся солдатам, так стремительно они драпали тогда). Или вот – от благодарного освобождённого населения.

Замечателен отрывок про общение с евреями. На Востоке Украины евреев не осталось вовсе (за ничтожным числом чудом спасшихся), а на Западе (в районах, оккупированных румынами) не было такого тотального уничтожения, и многие юноши-евреи призывного возраста после освобождения даже повоевали последний военный год с оружием в руках. Но угроза смерти никого не оставляла все годы. И вот счастье— увидеть офицера, который может сказать пару слов на идише!

Вот ещё отрывок из воспоминаний Л. А. Бунимовича: «В партию вступил на фронте, в самое тяжёлое время, в Волховских болотах. Всю войну носил с собой трофейный „Вальтер“, чтобы застрелиться и не попасть в плен. Ему приходилось, как разведчику, брать „языков“ за линией фронта.

После войны А. И. перебрасывали на Дальний Восток. Все вещи пропали (он только о „Вальтере“ потом жалел). Его представили на подполковника. Но по дороге к месту новой службы он пришёл на мехмат, и декан Голубев предпринял какие-то действия, и отца перевели в его распоряжение» (т. е. его не демобилизовали, а перевели в распоряжение генерал-майора В. В. Голубева).

После демобилизации в сентябре 1945 года вернулся в аспирантуру (его научным руководителем стал Н. А. Слёзкин), в январе 1948 года защитил кандидатскую диссертацию, в

которой была построена теория истечения газовых струй из каналов с произвольной формой стенок и решен ряд конкретных задач по этой тематике. Время после защиты было не лучшее. А. И. работал в НИИ-1 у Келдыша, а потом много лет в ЦИАМе – Центральном институте авиационных моторов.

В послевоенные годы научно-производственная сфера была разделена на несколько «империй», которые осуществляли особые секретные программы – атомную, авиационную (из которой потом выделилась космическая), информационную (связь, шифрование, разведка), военно-морскую – там всюду работали выпускники мехмата. ЦИАМ относился к секретной авиационной «империи».

О «секретности» вспоминает Е. А. Бунимович: «Папа рассказывал, что однажды он ехал в трамвае на работу, и водитель объявил: „Следующая остановка – секретный институт ЦИАМ“».

Абрам Исаакович мало рассказывал о себе, даже детям. Вот один из немногих рассказов, сохранившихся в памяти сыновей.

Как-то отец пришёл в экспериментальный цех в ЦИАМе, а там его студенты и спрашивают: «Вот у нас кран сильно вибрирует. Что можно сделать?». Цех огромный и под потолком движется кран – тяжёлая платформа. Мол, как применить Ваши уравнения, чтобы снять вибрацию. Абрам Исаакович посмотрел по сторонам, взял какую-то дрыну и забросил на кран. Резонансная частота сдвинулась и вибрация прекратилась. После этого у него на курсах было рекордное число студентов.

В 1961 году Абрам Исаакович был приглашен доцентом на кафедру газовой и волновой динамики механико-математического факультета МГУ. В период 1961–1963 гг. он заведовал отделом газовой и волновой динамики НИИ механики МГУ.

Абраму Исааковичу принадлежали пионерские исследования по обтеканию тел потоком разреженного газа и определения форм тел с оптимальными характеристиками. Это была тема, интересовавшая и автора этого рассказа. Дело в том, что первой решённой задачей оптимального управления была *аэродинамическая задача Ньютона* об оптимальной форме тела вращения, обтекающегося потоком разреженного газа. Ответ в этой задаче был выписан Ньютоном в его «Математических началах натуральной философии» (1687) почти за триста лет до создания теории оптимального управления Л. С. Понтрягиным и его учениками (1961). Мы с А. И. как-то в беседе затронули эту тему и собирались продолжить разговор, но этого не случилось.

Своё пятидесятилетие Абрам Исаакович встретил на подъёме своих творческих сил, он начал создавать свою школу и завершал работу над докторской диссертацией. Степень доктора физико-математических наук присуждена ему в 1969 году, звание профессора присвоено в 1980 году. У А. И. была замечательная семья. С женой, Раисой Ефимовной, они познакомились на мехмате, сразу после войны, тогда же и поженились. Жена была учителем в школе – преподавала, естественно математику. У них было двое прекрасных сыновей. А. И. с женой прожили вместе всю жизнь.

Абрам Исаакович преданно служил мехмату до последних дней. В больнице, из которой он не вернулся, выражал сожаление, что не успел принять зачёты...

Исаак Аронович Вайнштейн (03.03.1917, Минск – 2008, Москва)

И. А. Вайнштейн окончил механико-математический факультет МГУ (1940). Участник Великой Отечественной войны. Кандидат физико-математических наук (1946). Доцент кафедры математического анализа механико-математического факультета (1947–2001). Награждён орденами Отечественной войны (I, II ст.), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Заслуженный преподаватель Московского университета (1998).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.